

[см. 6, с. 66]. Какой уж тут предмет национальной гордости и источник вдохновения, если речь о социальном контроле. Следует в хорошем смысле «раскачать» эмоциональную сферу, обратить внимание на социально-психологические факторы социализации человека с тем, чтобы подкрепить историко-культурную информацию памятью и теплом чувств. Тогда впечатления, знания легче превратятся в согласие с ними, в убеждения, появится чувство благодарности к тем, кто создал все это национальное богатство, без чего невозможна позитивная национальная самоидентификация.

Литература

1. Григорьев, С.И. Виталистская социология быдлоизации – основа научного обеспечения преодоления кризисного развития современного российского общества / С.И. Григорьев // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. – 2013. - № 4(51). – С. 39-45.
2. Розенберг, Н.В. Успешная личность и социокультурная среда / Н.В. Розенберг // Аналитика культурологии. – 2015. - № 2(32). – С. 23-29.
3. Рудковский, Э.И. Социокультурная среда, региональная идентичность и приграничное сотрудничество / Э.И. Рудковский // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сб. науч. тр. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – Т. 22. – С. 110-114.
4. Марков, А.П. Основы социокультурного проектирования: Уч. пособ. / А.П. Марков, Г.М. Бирженюк. – СПб.: С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 1997. – 361 с.
5. Культура. Витебский областной исполнительный комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://vitebsk-region.gov.by/ru/culture-ru/> – Дата доступа : 07.11.2019.
6. Фабрикант, М. Белорусский народ как реальность / М. Фабрикант, Ю. Царик // Беларуская думка. – 2009. - № 8. – С. 62-67.

ОХРАНИТЕЛЬНЫЕ НАЧАЛА МЕТОДОЛОГИИ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Куницкий Д.В.,

Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь

В отечественной практике под воздействием западных прогрессистских цивилизационных установок сложилась порочная традиция ожидать от науки (в том числе в целеполагании самой науки) предложения новых, уникальных и инновационных, методик решений насущных проблем. Старые теоретико-методологические запасы при этом полагаются чем-то несовершенным и недостаточным, если вообще не отягощающей обузой. Данная установка, сформировавшаяся в физико-технологической сфере, принятой на Западе в эпоху «Возрождения» и «Просвещения» за осевую и эталонную, экстраполируется и на антропологическую науку вплоть до теории духа, включая педагогику.

Данное представление о «научном прогрессе» и его творческом характере опирается на весьма поверхностную позитивистскую парадигму, в которой путь постижения истины и ее созидательное приложение к практическим жизненным нуждам представляется как линейный процесс накопления информации и эмпирической ее верификации, после которых у общества появляются готовые более совершенные технологии, требующие далее повторения данного методического цикла на более высоком уровне. В частности, данная парадигма была представлена в марксистско-ленинском учении о недостижимой абсолютной истине, к которой происходит постоянное движение через истины относительные. В соответствии с ним в целом выстраивалась и методологическая теория и педагогическая практика в советском обществе.

Иной подход к истине, способу ее постижения и жизненного применения заложен в отечественную восточнославянскую традицию, основанную на православной метафизике. В ней истина открывается человеку Богом в своей цельной и совершенной форме, содержится в святоотеческом учении и раскрывается в опыте духовно просвещенного народа, имеющем непреходящее значение. От науки здесь ожидается не бесконечное движение к недостижимой истине без всякой твердой опоры (которой не являются ни данные чувств, ни сам по себе здравый смысл), а ее хранение, требующее постоянных созерцательных усилий по ее творческому объяснению и применению к традиционным и новым проблемам изменчивого мира. То есть, не слепое и механическое движение вперед и вовне, а зрячее ителеологическое движение вглубь. Неизбежно здесь и методологическое расхождение между техноцентрическим подходом к материальному миру и логоцентричным знанием, в особенности, в науках о духовном мире, включая антропологию, охватывающую обществознание и, в частности, педагогику.

Правоту научного подхода на православных началах доказывает сама общественная практика: при достижении ряда экстенсивных показателей – огромном росте технических возможностей, информационного багажа на индивидуальном и коллективном уровнях, финансовых вложений в гуманитарную сферу – вопреки линейно-прогрессистской парадигме происходит не прогресс, но явная деградация духовно-нравственного (во многом даже умственного) состояния населения и особенно молодых поколений. Притом наибольшая деградация наблюдается как раз в самых передовых западных странах и, в частности, в их образовательной системе.

В части образовательной деятельности, связанной с ее высшим уровнем – духовно-нравственным просвещением и воспитанием молодежи, – указанные противоречия и действительность охранительно-христианской теоретико-методологической парадигмы выступают особенно отчетливо. Опирающиеся на таковую в своей деятельности педагоги, по сути, обладают теоретико-методологическим фондом (можно сказать, сокровищем), который никогда не устаревает и не теряет своей значимости и высшей степени пригодности. Здесь требуется выступать охранителем этого наследия (понятий, целей, критериев, методов просвещения и воспитания), всегда ориентируясь не на непрестанный поиск инновационных подходов, а на освоение и сбережение старых и проверенных, творчески сообразуя их с меняющимися условиями жизни.

Современные содержательные установки просвещения и воспитания требуют нетривиальности, яркости, допускают вольности интерпретаций. Охранительная же парадигма исходит из убеждения о гораздо большей значимости того, чтобы те содержащиеся в выступлениях, мероприятиях, просветительских материалах понятия и смыслы, а также методы донесения были бы чисты и безупречны в духовно-нравственном плане (то есть, ортодоксальны). Тем более что мы постепенно переходим к историческому этапу, когда главную опасность представляет собой уже не голый атеизм и материализм, а именно ложная духовность и, в частности, искусное смешение правды с ложью, истины с заблуждением, основанные на них извращенные представления о нравственности.

В методологическом плане современные образовательные установки, достаточно четко зафиксированные в доктрине Болонского процесса, представляют собой логический вывод из догматов либерального гуманизма, который следует характеризовать как квазихристианскую религию. Прежде всего, в нем предполагается последовательное упразднение власти и иерархии из образовательного процесса – причем как в тематической его организации, так и в социальной. Под сомнение ставится само различие учителя и ученика, тем более, воспитателя и воспитуемого: педагогу предписывается стремиться устанавливать и поддерживать «демократичность» вплоть до бесчинства и фривольности, демонстрировать равенство с подопечными; отвергать наказание и при-

нуждение как методы воспитания. Приучение к подчинению (снова же – как педагогу, так и логическому строю предмета), к самоограничению и самопонууждению рассматривается как средство торможения развития ответственности. Отдельным положением проходит тезис о вреде напряжения (в частности, умственного), предполагающего трудовые усилия как основу восприятия образовательного воздействия, и об удовольствии как руководящем педагогическом принципе и критерии.

Охранительный подход зиждется не на слепом, а именно на осмысленном, с пониманием методологической ценности и пользы, сохранении классических образовательных установок, осознании смысловых подмен прогрессистских идей. Прежде всего, критически важное сохранение отношения «наставник-ученик» призвано строиться не на насильственном произволе как ложной альтернативе демократичности, а на основе доверия и отеческой (или материнской) заботы. Отказ от субъект-субъектного равенства предполагает не противопоставление, а, напротив, нацеленность на формирование единства в круге воспитательного и просветительского воздействия. В свою очередь, данное воздействие призвано обеспечивать трудовое вовлечение образуемого с повышением и поддержанием его напряжения, одновременно прививая ему понимание труда и преодоления внутреннего сопротивления как условия и составной части самого духовно-нравственного состояния.

Крайне важно преодоление стереотипного заблуждения о том, что современная молодежь не способна к восприятию серьезных тем (особенно предельного онтологического уровня), категорически не приемлет какие бы то ни было виды наставления и обличения совести. Насильственными и вредными признаются разговоры о греховности, борьбе с грехом, каких бы то ни было самоограничениях. В действительности, освобожденная от напряженности и острой личной обращенности методология не только оказывается бесплодной, но и наносит часто непоправимый вред просветительно-воспитательскому делу. Она подсовывает молодому человеку суррогат, после принятия которого и неизбежного разочарования у того вырабатывается предварительное недоверие к духовному слову, духовно-нравственным смыслам и долгу, всему священному как таковому.

Согласно христианскому пониманию о человеке (в отличие от гуманистического, близкого к отождествлению человека с животным, лишь дополненным социализацией), в глубине его души (особенно молодого человека) по самой ее природе живет жажда высокого, великого и вечного. Поэтому напрасны опасения выдвигать перед ним даже наиболее немодные, непривычные и обличающие правдивые суждения. Правда вообще особенно остро ощущается молодыми людьми и фундаментально привлекает их в отличие от легковесных заманчивостей.

Духовно-просветительское слово должно в известном смысле поражать молодого человека, вызывать у него представление о решительном несоответствии духовно-нравственному порядку привычного современного мира и его стандартов. В целом же всякая системная духовно-просветительская работа должна начинаться и постоянно держаться вопроса о смысле жизни и напоминания о смерти как мощнейшем катализаторе смысла жизни и одновременно указателе на него. На стержне понятия о смысле жизни и смерти достаточно стройно выстраивается и вся последующая просветительно-воспитательная работа по раскрытию значимости и привитию духовно-нравственных понятий и качеств молодому человеку.